

2 ТОМ *А*ЛЕН БЛИО
МЫ НЕ ТВОИ

СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Элен Блио

Мы не твои – 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70137841

SelfPub; 2023

Аннотация

– Уходи, Надя, ты мне не нужна! Эхо этих слов болью отзывается в сердце. Не нужна. Я и мой малыш были ему не нужны. Прошло столько лет и вот я вижу его, по прежнему красивого, но другого. Он уже не тот обозленный на весь мир мажор инвалид, которому почему-то захотелось любви бедного Воробушка. Он снова стоит на ногах и может видеть. Но я тоже стою на ногах и вижу! И я уже не тот бедный некрасивый Воробушек. Он хочет разрушить мой мир, который я с таким трудом создавала. Он считает, что я и мой сын принадлежим ему! Я хочу сказать ему – мы не твои. Но найду ли я силы противостоять чувствам? Чувствам отца и сына?

Содержание

Глава1.	4
Глава2.	11
Глава3.	17
Глава4	21
Глава5	27
Глава6	33
Глава7	41
Глава8	48
Глава9	55
Глава10	59
Глава11	66
Глава12	70
Глава13	74
Глава14	81
Глава15	87
Глава16	91
Глава17	96
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Элен Блио

Мы не твои – 2

Глава 1.

Брат как-то сказал мне одну фразу. Главный враг человека – он сам.

Как же это справедливо!

Жаль только, что мы понимаем это слишком поздно.

Правда теперь Тамерлан говорит, что пока человек жив ничего не поздно.

Тамерлан жив.

И я жив. Только вот почему-то назвать свою жизнь настоящей, нормальной полноценной я не могу.

Я знаю, что и Там не может. Но у него хотя бы появился шанс.

Зоя снова с ним. Я знаю, что все сложно. Мы говорили с братом. Светлячок потеряла мужа, её дочь – дочь нашего Тамерлана – серьезно больна.

Тамерлан теперь нужен Зое как донор, она ждет ребенка. Отношения у брата и его любимой женщины сложные. Сам он мне мало что рассказывает. Но у меня в доме есть шпион.

И это даже не мама. Айна. Женщина, которая управляет

всем в доме Тамерлана. Мы часто созваниваемся с ней. Она рассказывает новости. Спрашивает обо мне. А что я могу сказать?

Я вижу. Я стою на ногах.

Можно сказать – твердо стою. Я занимаюсь строительством. Да, я не архитектор, не конструктор, не художник не строитель. Я все вместе. А еще я экономист. В общем, я участвую в проектах с нуля, задолго до фундамента, и до последнего заехавшего в дом или квартиру жильца, или арендатора, если речь идет о торговых площадях, которые мы строим, чтобы сдавать внаем.

Я некоторое время работал на Севере. На Дальнем Востоке. Мы занимались строительством в основном небольших микрорайонов, компактных комплексов, коттеджных поселков.

Сейчас я параллельно работе учусь заочно, все-таки архитектура меня действительно сильно увлекает. Третье высшее лишним не будет.

Кто бы мог подумать, что мажор Умаров, которого многие считали тенью успешного брата добьется успеха, будет столько пахать, вкалывать, да еще и учиться?

Кто бы мог подумать, что Умаров останется одинок, несмотря на славу самого завидного холостяка будет жить как отшельник?

Почти четыре года. Чуть больше, чем четыре года.

Нет, это не значит, что я живу совсем как монах. Сначала

был момент, пустился во все тяжкие, но это очень быстро прошло.

Очень быстро. Меня еле-еле на пару недель хватило.

Потом... Потом суп с котом, как любил говаривать мой дед, тот самый с которым мы смотрели старые фильмы, слушали песни.

«Надежда – мой компас земной» – это же как раз от него.

Надежда. Моя фантомная боль. Знаете, когда тубу уже что-то отрезали давно, а оно болит.

Каждый день болит. Ноет, тянет, иногда дергает до дрожи.

Мне казалось, что я забуду, что время лечит. Видимо, у этого лекарства слишком пролонгированное действие.

Слишком.

Столько времени, а я до сих пор помню ее запах. Иногда мне кажется, я его чувствую, тогда я стараюсь быстро закрыть глаза, чтобы попытаться услышать знакомый голос. Словно я снова слеп.

Иногда я думаю, что, если бы я все еще был слеп мне было бы проще найти ее.

Или понять, что ее нет. И это навсегда.

– Она сюда не приезжала, и вообще, мы эту тварь неблагодарную давно не видели! Как бабушка умерла, так и... А она обещала помогать. И вообще. Квартиру бы свою могла нам подарить, у меня дети, а она все равно там не живет!

Помню, как хотелось показать этой наглой тетке кто на самом деле «неблагодарная тварь», но я промолчал тогда.

Надежда обещала, что вернется через две недели. Но она не вернулась. Не писала, не звонила. Никому. Ни мне, ни Тамерлану, ни даже другу ее отца Товию.

– Нет, Ильяс. Я знаю ровно столько же сколько и вы. Я не стал бы скрывать ее, честно. И сам уже беспокоюсь и хочу навести справки. Да, ее отчим Леонид тоже ничего не знает.

Я только вернулся после обследования. Все еще был слеп и на коляске. Но я заставил Тамерлана отвезти меня в родной город Надежды.

Она туда не приезжала. Не появилась ни на квартире родителей, ни у родной тети, которую я вряд ли бы назвал родной.

Мне предстояло длительное лечение. Я сам не мог заниматься поисками – какой сыщик из незрячего инвалида?

Тамерлан нанял кого-то, но, увы...

Вроде бы девушка, похожая на Надежду ехала утренним поездом. Вроде бы она вышла раньше, не там, где должна была. А может и нет.

На этом все следы обрывались. В ее родном городе – в Руднике – никто из старых знакомых Надежду Воробьеву не видел.

Пропала, словно канула в Лету.

Но я не готов был смириться с таким исходом. Я хотел найти ее. Для этого мне еще быстрее нужно было встать на ноги.

И я встал. Мне потребовалось полгода, но я встал. С гла-

зами все обстояло еще хуже, чем с ногами.

Доктора были правы – время я упустил. Но все же...

На ноги меня поставили в Германии. А глаза вылечили в Москве.

Да, полноценно восстанавливать здоровье мне пришлось еще долго, мучали и до сих пор напоминают о себе боли в пояснице. Да и вижу я не очень хорошо. Особенно в сумерках. Или, когда солнце светит слишком ярко.

Как сейчас.

Я лежу на шезлонге, у бассейна, у того самого, где когда-то плавал мой Воробушек.

Поздняя осень на Кипре прекрасна. Нет удушающей жары, влажности.

Нет толп народа, нет мамочек, с вопящими детьми.

Я люблю детей, но не всех. Некоторые меня раздражают. Хотя, как ни странно, с Сандро – приемным сыном Тамерлана – мы дружим.

Наверное потому, что мы оба молчуны и ворчуны.

Да, да, компанейский парень, весельчак, мажор и плейбой Ильяс Умаров стал почти мизантропом.

Я не нашел моего Воробушка.

Раньше я думал, что слепота и инвалидность – вот самые страшные наказания за мои преступления.

Как же жестоко я ошибался.

Мир без Надежды – вот самое страшное, что могло со мной случиться и случилось.

И как бы я не пытался искупить вину – это моя кара.

Мир без Надежды. Кадар. Судьба...

Неожиданно резкий залиvistый детский смех заставляет меня поморщиться.

Все-таки дети тут есть. И родители, которые не умеют за ними следить!

Смотрю на белобрысого пацаненка лет трех, который стремительно летит по дорожке к бассейну. Она в специальном жилете для плавания, но это не значит, что прыгать в воду ему безопасно. И потом, он может шмякнуться, растянуться на дорожке, разодрать коленки.

Хочется прибить его нерадивую мамашу!

– А-ха-ха! Ма! Шматли где я! – он останавливается и машет, а потом подбегает прямо к тому месту где лежу я и с размаху бросается в воду, брызги разлетаются довольно приличные. Не могу сказать, что он меня окатил с ног до головы, но...

– Ник! Ник, стой! Туда нельзя, Ник!

Мне кажется, что меня засасывает в черную глухую воронку, память выбрасывает наверх самые яркие эпизоды прошлого, окатывая жидким азотом воспоминаний. Ледяным. А потом поджигает и я горю...

Голос. Этот голос...

– Ник, солнышко, я же просила тебя не прыгать в воду! Извините, пожалуйста...

Это нежное чириканье...

Я смотрю на стройную, невысокого роста блондинку. У нее идеальная фигурка. Прямые вытянутые блестящие волосы. Она словно сошла с рекламной картинки. При этом я готов поклясться, что все в ней натуральное, ну, за исключением подкрашенных локонов.

Она красивая. Очень красивая. Явно не бедная – в роскошном купальнике и пляжном халатике от известного бренда. И очки у нее тоже фирменные. Красивый маникюр, который я вижу, когда она поднимает их на голову, видимо для того, чтобы лучше меня рассмотреть.

Я медленно сажусь, так же приподнимая очки и вижу, как она становится бледной как смерть.

– Надя?

Глава2.

– Надя?

Замираю и...умираю. По-другому не могу описать свое состояние. Словно все атомы внутри меня подчиняются какому-то абсолютно новому закону физики. Именно такое состояние, наверное, называют «ни жива, ни мертва».

– Ма!!! – вопит из бассейна храбро барахтающийся там Ник, а я не могу заставить себя сдвинуться с места, повернуться к сыну.

Ильяс. Передо мной на шезлонге сидит Ильяс.

Тот самый Ильяс, который когда-то почти на этом самом месте отчитывал меня, потому что я играла в пляжный волейбол не с теми парнями.

Тот самый Ильяс, который ругался со мной, протестуя против процедур, назначенных доктором и уколов, которые причиняли ему боль.

Тот самый Ильяс, который шептал слова любви, прижимая меня к себе, обжигая мою кожу своим дыханием.

Ильяс Умаров. Мальчик мажор с обожженными ногами и такой же обожжённой душой.

Надя. Он назвал меня Надя. Почему? Как он... Как он мог меня узнать? Он ведь был слеп тогда? И потом... я совсем не похожа сейчас на того Воробушка, каким была еще четыре

года назад!

Я совсем другая и внешне и, наверное, внутренне.

В голове сразу какой-то бешеный коктейль из мыслей, вопросов, замечаний.

Что делать? Что мне делать?

– Надя, почему ты молчишь?

Он собирается встать, а мне дико страшно от того, что он сделает это. Что он дотронется до меня, и я пойму, что он настоящий и... И тогда все.

Вся моя выдержка полетит в никуда.

– Ма-ма! Мам! – Ник вопит, хохочет, брызгает водой.

От неожиданности я вскрикиваю, отступаю назад, оступаясь и... падаю в бассейн, вода в котором в первый момент кажется ледяной.

Господи, и тут плавает мой ребенок! Он же замерзнет, заболит! Нужно его немедленно вытащить!

Выныриваю, не сразу понимая что случилось, а потом вижу перед собой глаза. Глаза Илика.

Я так часто думала, какого же цвета его глаза?

Раньше он все время прятал их за очками, да и повязка на глазах была почти всегда, или лечебная или... просто скрывающая он пыли и любопытных.

Они ореховые. Светло-карие с крапинками изумруда и золота, лучистые, обрамленные длинными густыми ресницами.

Очень похожи на глаза моего сына, моего Ника, Николая.

Николая Николаевича. Только у Никуши глаза серо-голубые, цвет мой, а вот форма – ресницы – это от отца.

Как и характер. Упертый, сильный, с места не сдвинешь хотя ему чуть больше трех.

– Ма! Ты что? – мой малыш, барахтаясь подплывает ко мне, смотрит удивленно, потому что я упала в бассейн прямо в пляжном халате, с полотенцем и телефоном.

К счастью, телефон надежно запакован в специальный водонепроницаемый чехол. Я подумала, что с моим мальчишкой такой чехол будет необходим. А получается, что сама чуть не утопила свой гаджет.

– Ма!

– Тише, сынок, тише, все хорошо...

– Надя, ты в порядке? – голос у Ильяса тот же, хриплый, низкий. Царапающий что-то внутри.

– Я? Да... да... только...я... – лихорадочно соображаю, что мне сказать?

Сказать, что он ошибся, обознался? Признаться в том, что я не Надя? Но ведь обман раскроется так или иначе?

Боже, почему я оказалась именно в этом отеле? Я ведь вообще не хотела ехать на Кипр! Меня бы вполне устроила и Турция, или Греция...

– Ма! Мам! Упала? Больно?

– Да... нет. Все хорошо, милый.

– Тебе помочь? – Ильяс смотрит серьезно, сканирует, следит внимательно за моим лицом, видимо стараясь что-то

прочесть, понять, а как понять, когда я и сама не понимаю ничего?

Я делаю шаг назад, благо в этой части бассейна мелко. Илик удерживает меня за локоть машинально, словно боится, что я пропаду, исчезну.

А сзади меня уже обхватывают маленькие ручонки, притапливая, я еле успеваю глотнуть воздуха, и голова моя наполовину уходит под воду.

– Ма! Делжись за меня! Я тебя спасу!

Пытаюсь вздохнуть, поворачиваюсь, чтобы удержать сына, который повисает всем телом на моей шее.

– Ник, ты меня утопишь, подожди. Мне нужно вылезти.

Сын отпускает меня, я собираюсь сделать шаг к широкой лестнице, чтобы выйти из воды, но в этот момент чувствую, как меня подхватывают на руки.

Ильяс. Он держит крепко, смотрит все так же серьезно, без тени улыбки.

– Не надо, я сама.

– Я помогу. Ты упала, могла что-то повредить.

– Я в порядке. Пусти... те... пожалуйста.

Его губа дергается, на лице появляется-таки ухмылка.

– Расслабься, Воробушек, не уроню. Я теперь твердо стою на ногах.

Говорит и тут же поскальзывается на ступеньке, и мы оба опять летим в воду, только на этот раз он крепко держит меня, прижимает к себе, и я чувствую, как его лицо вжимается

в мою шею.

Все происходит быстро, неожиданно, я начинаю вырываться, отбиваться смотрю мельком на сына — к счастью, он увлечен тем, что барабанит ногами по воде пытаюсь плыть.

— Тише, Воробушек, успокойся. Что ж ты такая буйная...

— Пусти... я... я не Воробушек, я...

— Хорошо, компас, я запомню. Дай все-таки мне помочь тебе, а? Хоть почувствовать себя мужчиной.

Вот теперь он ухмыляется! Широко и нагло!

Только сейчас я замечаю, что у бассейна мы не совсем одни, какая-то парочка пялится на нас, посмеиваясь, пожилая матрона, презрительно поджимает губы, несколько парней следят за нами.

Мне стыдно, я понимаю, что краснею, но если начну отбиваться, то только привлеку к нам еще больше внимания.

Ладно, так и быть. Пусть помогает.

Илик выносит меня из бассейна, я надеюсь, что он поставит меня на ноги, но он проходит дальше, наклоняется, сажая меня на тот шезлонг, на котором сидел сам.

С меня потоком льется вода, я дрожу, но не только от холода, хотя на самом деле вода не ледяная, да и на улице жарко. Дрожу от его близости.

От осознания того, что мое прошлое меня настигло. Оно тут, оно рядом.

И я понимаю, что сейчас оно безжалостно столкнется с моим настоящим.

– Малыш, что случилось? Ты упала? Родная, все в порядке?

Глава3.

Смотрю на высоченного белокурого красавца, подбежавшего к нам, сглатываю, чувствуя обжигающий ком, который прокатывается по внутренностям выжигая адское клеймо.

Малыш и родная...

Все ясно, Умаров, а ты как хотел? Чтобы такая девочка четыре года тебя ждала, и слезки утирала?

Чёрт... Малыш... Родная.

Перед глазами мгновенно алая пелена. Словно я снова слеп. И шум в ушах и все крутится вокруг как будто я на какой-то безумной карусели.

Отшатываюсь, стараясь удержать равновесие.

Воробушек смотрит испуганно, впрочем, она уже и не Воробушек, скорее... лебедь белая, роскошная, даже такая дрожащая от холода, облепленная мокрой тканью халатика.

– Надюш, что с тобой?

– Все хорошо. Ник брызгался, я случайно оступилась, упала в бассейн. Мне помогли выбраться из воды.

– Иди ко мне, детка. Надо это снять.

Он присаживается к ней, трогает ее руками, помогая избавиться от промокшей одежды, заворачивает в полотенце.

– Все хорошо? Голова не кружится? Не тошнит?

– Нет, нет... все... хорошо.

Кружится голова? Тошнит? Это...

Чёрт, это значит, что она... она в положении? По ее фигурке этого точно не скажешь, но.

Спутник Нади, этот высоченный хлыщ поворачивается ко мне.

– Спасибо, что помогли, мы у вас в долгу.

Да уж... ты еще не знаешь, в каком долгу! Чёрт. Хочется сбежать, уйти, не видеть. Забыть просто все, что случилось.

Словно мне приснился один из моих снов.

Да, да, мне часто стали сниться сны о том, как я встречаю Воробушка. Только вот в этих снах нет никакого парня, который называет ее милой.

– Ма! Сла! Я плыву! Сатри!

Мы все трое разом вспоминаем о малыше, плавающем в бассейне. Он там уже не один, с ним девочка лет семи, барахтаются рядом у лестницы, там, где помельче.

– Круто, чемпион! Не замерз? Сейчас я к тебе иду! – этот хренов викинг машет мальчишке. Мальчишке, который может быть моим сыном. Или нет?

Надя была в положении, когда сбежала, вернее... когда я ее прогнал. Она была беременна. Если бы она родила, то нашему сыну было бы сейчас чуть больше трех лет.

Этот мальчишка кажется младше. Он маленький. Если сравнить его с Сандро – сыном Тамерлана, которому сейчас четыре с половиной, то... Сандро намного больше. Но он у нас вообще богатырь, крупный, весь в отца, настоящего отца, тот был гигант...

А малыш, который называет Воробушка мамой невысокий и щупленький. И волосы... волосы у него светлые как у этого...

Смотрю на него и натываюсь на взгляд Нади, испуганный Воробушек хлопает ресницами. Боится меня? Или... не меня?

Парень встает, поворачивается ко мне, протягивает руку.

– Спасибо еще раз, я... – он хочет еще что-то сказать, но запинаясь, внимательно смотрит на меня, и я вижу, как он на глазах меняется в лице.

Он что, узнал меня? Но... каким образом?

Смотрю на него, на Надю. Не знаю, стоит ли мне что-то говорить. Но я не намерен просто так взять и уйти. Я нашел Надю и не готов вот так быстро ее потерять.

– Воробушек, ты нас не представишь? – смотрю на нее, стараясь дышать поглубже, чтобы унять внутренний тремор.

– Я... – вижу, как вздымается её грудь. Понимаю, что она нервничает. И сильно.

Она не в себе с того момента как увидела меня.

Это хороший знак, или нет? Ведь... если бы ей было все равно, то...

– Слава, это Ильяс. – она говорит вот так просто, ничего не объясняя ему. Получается, он что-то знает обо мне?

Ну да, наверное, если это ее муж, то он знает все, ну или почти все.

Вряд ли она рассказала, что было у нас с ней тут, в этом

отеле, в моем номере, в том же номере, в котором я остановился и сейчас.

Как было сладко, жарко, остро, как я ловил каждый ее вздох, каждое движение. Как я целовывал с ее кожи слезы и пот.

Нет, об этом она точно умолчала. О таком не рассказывают.

Опускаю глаза вниз, качаю головой.

Сам во всем виноват, Ильяс. Некого винить.

Человек сам свой самый страшный враг.

– Ильяс, это Слава, он мой... мой...

Глава4

– Муж, я её муж, не скажу, что слишком приятно познакомиться. – протянутая им было рука уже давно убрана, явно нет желания обмениваться рукопожатием. У меня, к слову, его тоже нет. Совсем нет.

– Слава, я...

– Милая, вставай, пойдем в другое место, тут солнце шпарит, тебе вредно.

– Да, хорошо.

Она встает с моего шезлонга. Неужели вот так просто уйдет?

Смотрю, стараясь запомнить её, каждую черточку. Я не могу вот так вот взять и отпустить моего Воробушка! Не могу!

Но... чёрт, она замужем? Это значит... это значит – все? Все кончено, Илик? Ты потерял ее окончательно?

Опускаю голову, вижу ее ножки, крохотные ступни с красивыми пальчиками, розовые ноготочки...

Я потерял ее давно. Тогда, когда прекратил поиски. Когда узнал, что возможно, Нади уже нет в живых и... просто испугался. Испугался того, что узнаю – ее больше нет. И значит... значит меня тоже больше нет. Все напрасно. И мне стоило остаться слепым инвалидом. Сгнить в этой проклятой коляске.

Кадар. Судьба.

Но разве это правильно, считать, что кто-то решает за тебя твою судьбу? Разве это значит опустить руки и идти на дно?

Или... Судьба любит тех, кто пытается ей противостоять? Кто все-таки что-то делает? Кто пытается бороться за себя, за свое счастье?

Как... Как Тамерлан? Да, я знаю, у него пока все сложно. Зоя пришла к нему просить о помощи, о том, чтобы возобновить отношения пока речи нет, но он может видеть свою дочь! Может спасти ее!

А я? Так и буду стоять и молчать?

– Надежда, подожди. Нам... Мне нужно поговорить с тобой.

– Ей не о чем с тобой разговаривать! – а этот викинг наглый! Думает, что, если он меня на голову выше, я не смогу за себя постоять? Чем выше шкаф, тем громче падает!

Мои кулаки непроизвольно сжимаются, он видит этот жест.

– Не советую, ненароком могу снова вернуть тебя в кресло!

– Слава! Что ты такое несешь? Хватит! Прекрати! Иди лучше к Нику, его пора уже вытащить из воды. И вообще, мы хотели пойти на море.

– Надя, к Нику мы пойдем вместе. А с этим... товарищем, думаю, тебе разговаривать не стоит.

– Может, это она будет решать, стоит ли ей со мной раз-

говаривать?

Чувствую, как ярость заполняет меня бурлящим потоком. Как он вообще смеет с ней так себя вести? Указывать, что делать?

Мы стоим друг напротив друга, как бойцы на ринге, готовые броситься в бой. Неожиданно Надя встает и вклинивается между нами, оттесняя от меня своего наглого спутника.

– Слава, нет, пожалуйста. Я прошу, не надо. Мы сейчас пойдем к Нику, и все. Я только заберу свои мокрые вещи. Иди, доставай его из воды.

– Надя...

– Слав, я прошу тебя. Очень.

Он опускает голову, ухмыляется, потом поворачивается к Наде, нагло прижимает ее к себе, заставляя меня дернуться и сцепить зубы. Он муж. Ему можно, да? Слабое утешение для меня.

– Надюш, все нормально, ну, что ты боишься?

– Я не боюсь, Слав. Давай просто уйдем и все.

Просто уйдем и все?

Воробушек поворачивается ко мне. Хочется читать в ее глазах, как раньше я мог читать по ее голосу. Да, вижу, что ей сложно просто так взять и уйти. Но...

– Извини, Ильяс. Правда, не о чем говорить. Я... я рада, что у тебя все хорошо. У меня, как видишь, тоже все в порядке.

Она забирает свой халатик, телефон в чехле, опускает оч-

ки.

Неужели вот так просто возьмет и уйдет? Неужели...

Поворачивается к своему мужу, делает шаг и... просто падает на его руки.

– Надя... чёрт... – великан подхватывает её на руки, голова безвольно свешивается, очки падают.

Он смотрит в сторону бассейна, где радостно плещется ребенок. Их ребенок, как я понимаю.

– Чёрт... Её нужно унести в тень, в отель... Есть в отеле врач?

– Не знаю. Можно вызвать. Я... – вспоминаю, что у Зои, у нашего Светлячка тут на Кипре родственники, у которых медицинская клиника. Нужно позвонить Тамерлану. – Давай я отнесу ее, узнаю на ресепшен.

– Я сам отнесу и узнаю. Ты... пожалуйста, помоги с ребенком. Можешь вытащить его из бассейна и привести в лобби отеля? Его зовут Ник, Николай...

– Да, конечно. Он не испугается меня? Чужой человек?

– Он у нас не трус. – смотрит на меня презрительно, буквально мгновение, потом срывается с места и идет к зданию отеля. Вижу, как рука Воробушка беспомощно болтается и сердце сжимается.

Что с ней? Почему ей стало дурно? Неужели она...

Стоп, гадать нет времени. Я должен заняться ее ребенком, ее сыном.

Быстро иду к бассейну, спускаюсь в воду.

– Ник!

Парнишка поворачивается ко мне, улыбается.

– Привет, Ник, я Ильяс, твой... твоя мама попросила меня приглядеть за тобой. Нужно отвести тебя в отель.

– А как же моле? Хочу на моле...

– Маме стало плохо. Твой... В общем, ее понесли в отель. Мне надо проводить тебя к ней.

– Холошо. А потом... ты пойдешь со мной на моле?

– Я постараюсь, Ник.

– Ладно. Пошли.

Он протягивает мне руки, и я поднимаю его из воды. Он кажется таким маленьким, хрупким, хотя на его ручонках я вижу мышцы, и ножки сильные.

У меня не слишком большой опыт общения с детьми.

Сандро меня долго побаивался, хотя на коляске он меня почти не видел – малышом еще был. Да и я сам не слишком стремился с ним общаться. Все-таки помнил, кто его настоящий отец. Потом мы подружились. Но так как дома у Тамерлана я сейчас почти не бываю – видимся редко. Только Айна присылает его фото, и по телефону я иногда с ним болтаю.

– А ты кто? – вопрос сына Нади застаёт врасплох. И правда, кто я?

При мысли что, возможно, я все-таки отец этого малыша у меня в груди становится глухо и пусто.

Мой сын. Сын, от которого я отказался! Если это на самом деле мой сын?

– Я... я старый знакомый твоей мамы. Меня зовут Ильяс.

– Ильяс? Смешное имя. А я Николай. Ник. Так мама называет.

– Ник. Красивое имя. А... папа тебя как называет? – сжимаю зубы, понимая, что это запрещенный прием, вот так выведывать у ребенка все, но, почему-то свербит, какой-то мазохизм. Понимаю, что услышать ответ будет больно, но...

– У меня нет папы...

И снова как прямой удар в челюсть. Если этот великан ему не отец, тогда... тогда выходит его отец я?

Глава 5

С трудом разлепляю глаза, голова шумит, не понимаю, где я, что я... Дурные воспоминания затягивают в водоворот.

Моргаю, вижу перед собой знакомое лицо.

– Слава...

– Да, милая.

– Что... что случилось?

– Ты потеряла сознание, детка, сейчас врач приедет, все будет хорошо.

– Врач? Зачем? Я не хочу в больницу... – никогда не думала, что скажу это, но я ненавижу больницы. Больше никогда не хочу попасть туда.

– Не в больницу, надеюсь, просто... нужно посмотреть, что с тобой. Хотя бы давление измерить.

Давление. Наверное нужно. Только... почему мне стало плохо? Я была на улице, шла к бассейну, куда убежал Ник...

Ник!

– Где Ник? Он плавал.

– Он... его должны принести.

– Кто?

– Я, Надя... вот твой малыш, с ним все хорошо. – я вижу приближающегося мужчину, у него на руках мой сын.

Мой сын и его сын. Потому что этот мужчина – Ильяс.

В первый момент я теряюсь, не понимая, что случилось и

почему он здесь.

Откуда он взялся?

И... он на ногах и без очков!

Сначала у меня шок, потом... Потом вспоминаю сцену у бассейна.

Оказывается, шок у меня уже был. Там. Я упала в воду. Он меня вытащил.

А потом пришел Слава...

– Ма! Я хочу на моле. Мы пойдем на моле?

– Слав... Я... мне уже лучше, я поднимусь в номер, а ты... сходи с ним на море, пожалуйста.

– Я могу сходить. – голос у Ильеса такой... такой знакомый, родной.

– Нет. Не нужно. Спасибо.

Смотрю на него. Он прижимает моего сына к своей груди. Они почти не похожи. Почти.

Мой Колясик – так я его называла, когда он был совсем крохой – родился таким беленьким, светловолосым. Славка удивлялся, говоря, что парень больше похож на него чем на родного отца.

И все-таки черты лица сына повторяли черты лица его отца. И я думала, что с возрастом его волосы потемнеют, и кожа станет более смуглой.

– Мне не трудно. И у меня есть опыт с детьми, небольшой, но...

– У тебя есть дети? – сама не знаю, зачем я спросила. Про-

сто... вырвалось.

– Тебе честно ответить, Воробушек? – он ухмыляется, и еще крепче прижимает Ника.

– Волобушек? Ты зовешь маму Волобушком? А она не любит, когда так зовут. – удивительно, откуда мой Ник это знает?

Меня и вправду уже давно никто не зовет Воробушком. И иногда я скучаю по этому прозвищу, скучаю до слез.

– Ильяс, спасибо за помощь, но дальше мы сами, ладно? – Слава поворачивается, чтобы забрать сына, но Ник странным образом словно приклеивается к Ильясу.

– Хочу на моле.

– Ник, не капризничай.

– Не каплизничая. Моле.

– Маме плохо, малыш, я не могу ее оставить.

– Я правда могу отвести парня на пляж, я присмотрю за ним. – Ильяс смотрит пристально, а я... я боюсь, сама не знаю чего. Не украдёт же он его в конце концов? Не сделает ничего плохого... – или другой вариант. Я жду врача тут, с Надеждой. Кстати, совладелец отеля мой брат и у его... у его подруги тут родственники, у них свои клиники по всему Кипру. Если что-то серьезное-то...

Тамерлан совладелец отеля, это я знаю. Но... кто подруга, у которой родственники на Кипре? Неужели Зоя?

– Я не оставлю Надю. Ник, давай пока без моря, а? Чуть-чуть подожди, потом обязательно пойдем. – Слава прав, он

пытается все сделать как лучше, но я вижу, как Ник изо всех сил сдерживается, чтобы не расплакаться. Он так хотел на море. Увидел его вчера в первый раз в жизни и остался в таком диком восторге!

Ильяс видит состояние сына, смотрит на меня, и, мне кажется, вот-вот взорвется.

– Слава... Я думаю... – не знаю, чего мне это стоит, но... – Я думаю ничего страшного если мы отпустим Ника с Ильясом, да? Мне уже лучше, может мы и сами скоро к ним пойдем.

– Надя, если ты считаешь, что ему можно доверить ребенка...

– Я считаю можно.

– Спасибо, – Ильяс чуть наклоняет голову, усмешка его мне не нравится и на сердце словно камень сверху.

– Только... пожалуйста, будь осторожен, Илик.

– Ты думаешь, я могу быть другим с ним, Воробушек?

Он говорит, и я понимаю, что он... он знает, что Ник его сын. Знает. Понял.

Он ведь знал о моей беременности. Товий Сергеевич мне сказал.

Он... он искал меня. Только... зачем? Чтобы сказать, что готов помогать, готов участвовать в жизни сына? Или, может, чтобы отнять? У них же не принято, чтобы женщина воспитывала ребенка одна?

Или он на самом деле сказал те слова сгоряча, и хотел из-

виниться?

Но... я помню Алису в его комнате. Или это все тоже было не правдой? Совпадением? Обманом?

Мне очень трудно сейчас понять, что произошло тогда. И так же трудно понять, что делать сейчас.

И сердце стучит как сумасшедшее.

Потому что он тут, рядом, живой, здоровый, на ногах и зрячий.

А я все тот же Воробушек. Пусть я другая внешне, но внутри все та же. Некрасивая, бедная девочка.

– Ильяс, только не сильно долго, хорошо? Полчасика и хватит. Он еще маленький.

– Я вижу. Крем от загара есть?

– Да, Слава, у меня в сумке крем, я ее тебе отдала.

– Вот сумка, там все... держи. – Слава передает пляжный баул Ильясу, я вижу, что он не доволен, но сдерживается.

Ильяс что-то шепчет Нику на ухо, тот смеется. Удивительно, Ник, конечно, не из пугливых, но раньше вот так к первому встречному он на руки не шел. А тут... Неужели зов крови?

– Зря ты его отпустила с этим... Он.

– Слава, не надо.

– Тебе нельзя нервничать, а ты сейчас...

– Со мной все хорошо, пожалуйста, Слав, не нужно.

Я знаю, что он заботится обо мне, что он... любит меня. Только иногда от заботы бывает душно. Иногда устаешь чув-

становать себя вечным инвалидом.

– Надя...

– Слав, зачем ты сказал, что ты мой муж?

Глава 6

Мы поднимаемся в номер, чтобы там дожидаться врача. Слава несет меня на руках, хотя я вполне могу идти сама. Какая-то дама у лифта презрительно поджигает губы и отпускает тихо замечание о том, что молодежь совсем стыд потеряла.

– Девушке плохо, ей нужен врач, комментарии свои при себе оставьте. – Слава бывает резок, особенно когда считает, что защищает меня.

В номере я прошу его дать мне воды. Закрываю глаза. Голова шумит. Но я не чувствую боли или дурноты.

Понимаю, что просто перенервничала увидев Илика. Еще это падение в бассейн. В остальном со мной все нормально.

Если это можно так назвать.

– Милая, как ты?

– Все хорошо.

Он берет мою руку, подносит к губам, потом опускает голову, прижимаясь лбом к моей ладони.

Мне хочется повторить, что все хорошо, но я не могу врать. Не хорошо. Ничего не хорошо.

Потому что появился Ильяс. И я знаю, что теперь он никуда не исчезнет. Он знает, что Ник его сын. Он понял. Ну, может быть еще не на сто процентов уверен, но, думаю, по-

просит меня сделать ДНК тест. Я могу отказаться. Я могу снова сбежать, скрыться, сделать так, чтобы он меня не нашел, да?

Вот только... найду ли я в себе силы сделать это?

– Зря мы сюда приехали. – голос у Славы глухой, тихий.

Я не могу сказать ему – я же говорила! Хотя я именно говорила!

Когда узнала, что он собирается везти меня на Кипр...

И это я еще была не в курсе, что мы попадем именно в этот отель!

Нет, Славка не знал в каком отеле мы были с Ильясом и его семьей. Это просто случайность.

Но как там говорят? Случайность – это непознанная закономерность?

Так и есть.

Я просто как-то обмолвилась, как мне понравился Кипр, и как бы я хотела попасть сюда еще раз.

Разумеется, вероятность, что мы приедем именно в этот отель и я встречу тут Ильяса была практически равна нулю.

Но... скажите судьбе о своих планах и она, наверное, посмеется над вами, так?

Вячеслав хотел сделать мне сюрприз, он не сказал куда именно мы едем, точнее, про Кипр я знала, а дальше...

– Нам нужно переехать в другой отель. Я займусь этим.

– Зачем? Это... дорого, неудобно.

– Зачем? – вижу, как его лицо становится жестким. – На-

дя... Ты... ты ведь сама понимаешь.

Да, я понимаю. Все понимаю. И то, почему он хочет бежать – а это будет именно бегство, и то, почему он сказал Ильясу, что он мой муж...

Мы не женаты, пока еще. Мы хотели пожениться весной. Или летом. Дату не назначали. Просто... я подумала, что лучше сделать свадьбу в теплое время года.

Да уж... при этом сама дала согласие на брак только осенью, когда лето закончилось.

– Надя...

Стук в дверь прерывает его, пришел доктор. Молодой приятный мужчина, вполне сносно говорящий по-русски.

Задаёт вопросы, на которые отвечает Слава – что произошло, как. Меня это раздражает.

– Слава, можно я сама? Я все-таки медик...

– Вы доктор? – удивляется врач.

– Нет, я медицинская сестра. Была раньше. Закончила училище даже. Доктор я просто перенервничала. Еще и случайно упала в бассейн. Наверное, перепад температур, все это...

– И падение! И не забудь казать про то, что ты... про свой диагноз.

– Да, я скажу. Слава, можешь, пожалуйста спуститься, узнать, не вернулись ли Ник и... Ильяс?

– По-моему я нужен здесь, ты так не считаешь?

Закрываю глаза, потому что его излишняя забота иногда

реально душит.

– Хорошо, извини. – Слава выходит из комнаты, спокойно прикрывая дверь.

Давление у меня низкое, оно всегда было чуть пониженным. Доктор рекомендует воздержаться от долгого пребывания на солнце, особенно в обеденное время, да я это и сама знаю. И водные процедуры мне следует принимать умеренно. Звучит так официально и немного смешно.

– Берегите себя.

– Спасибо, буду стараться.

Врач выходит, я вижу, что в холле номера его останавливает мой жених.

Все хорошо. Мне просто нужно успокоиться.

Но как я могу успокоиться, когда все вот так, разом меняется в жизни?

Ильяс.

Что мне делать? Что делать с ним? Что мне делать с самой собой?

Чувствую опустошение. Слабость.

Может, действительно Слава прав, и нам стоит уехать? По крайней мере отдохнуть спокойно?

Ох, о каком спокойствии тут может идти речь? Когда все не спокойно.

Все наперекосяк.

Или нет? Может быть, я придумываю себе проблемы на пустом месте?

Кто сказал, что Ильясу захочется признавать моего сына? Зачем ему это? Он свободный мужчина. А может и несвободный. Что я знаю о его жизни?

Даже не приглядывалась, есть ли кольцо на пальце. Ну, у меня вот нет кольца, тем не менее я несвободна.

Возможно, Ильяс, так же как я просто был удивлен, потрясен. Столько лет прошло. Мы с ним оба словно увидели призраков прошлого – да так оно и есть. Мы всего лишь призраки той жизни.

– Надя, все хорошо?

– Да, Слава, я в порядке.

– Иди ко мне. – он садится рядом, раскрывая объятия. Теплые, родные, такие в которых всегда мне спокойно.

Обнимает меня, прижимает к груди. Чувствую, как его губы прикасаются осторожно к моим волосам.

Он дрожит. Он взволнован, так же, как и я.

– Надя...

– Что?

– Давай поженимся тут, а? Я узнавал, это можно сделать. Есть специальные конторы, которые организуют свадьбы. Можно даже обвенчаться в храме.

Я молчу. Просто не знаю, что сказать. На самом деле не знаю. Понимаю, почему ему в голову пришло вот это предложение, но... как ответить?

– Надь, не молчи.

– Слава, я...

Он поднимает мое лицо в ладонях, смотрит в глаза, внимательно, потом... потом целует, нежно, ласково сначала, потом глубже, острее. Опрокидывает меня на постель, прижимая к себе.

– Надя...

А у меня перед глазами неожиданно возникает сцена из прошлого. Номер, так похожий на этот. Кровать... Нет, сначала пол у кровати.

Илик тогда упал с коляски на пол, и я кинулась ему помогать.

Понимаю, что я перестала отвечать на поцелуи Славы. Неправильно. Все это так неправильно.

– Надя...

– Слава, нужно забрать Ника. Сходить за ним.

– Я схожу, позже... пожалуйста...

Я позволяю ему целовать, ласкать, понимая, что не имею права его останавливать. Но Слава сам замечает мое состояние, убирает руки, поднимается.

– Я схожу за Ником.

– Можем пойти вместе.

– Нет.

– Почему?

– Тебе нужно лежать.

– Я хорошо себя чувствую. Доктор сказал мне можно выходить. Просто не перегреваться и не переохладиться.

– Ты хочешь увидеть его, да?

Молчу. Есть вопросы, которые не требуют ответа. Наверное. Но если быть честной с самой собой – я не знаю.

Не знаю хочу ли я видеть Ильяса. Очень больно.

И слишком много вопросов.

И у него, я думаю, могут быть вопросы. А может и нет. Он искал меня, а потом бросил. Как-то очень быстро отказался от поисков. Мог бы и найти, наверное. Хотела ли я, чтобы он нашем меня? Нашел нас с сыном?

Иногда очень. Иногда мне самой дико хотелось взять телефон, набрать номер.

А потом я вспоминала его слова. И деньги, которые он хотел дать, чтобы я избавилась от возможных проблем.

Мой сын – та самая возможная проблема. Он мой. Только мой.

– Надя, я все понимаю. Мешать не буду, ты меня знаешь.

О, какой обман говорить кому-то – «ты меня знаешь»!

Порой мы не знаем сами себя.

Слава любит меня. Да. Но... Может проблема в том, что мы на самом деле думаем, что знаем друг друга.

– Мне в любом случае придётся поговорить с Ильясом. У нас есть сын.

– Твой сын. Которого он не хотел.

– Слава, не нужно...

– Нужно! Я не хочу, чтобы ты... чтобы он снова воспользовался тобой. Обманул.

– Этого не случится, ты же со мной? Ты мой герой.

– Ты надо мной смеешься.

– Мне не до смеха.

– Чёрт, зачем я привез тебя сюда...

– Перестань, не вини себя. Рано или поздно это бы все равно произошло.

– Лучше поздно. Лучше было бы поздно. После свадьбы.

Он смотрит на меня с отчаянием.

Да, мы слишком много знаем друг про друга.

Глава 7

Никогда не думал, что могу испытать такие чувства к ребенку.

То есть, конечно, я думал, что буду любить своих детей. Играть с ними, водить их на прогулки, читать книги. Заниматься с ними спортом. Чему-то учить. Все это в меру, конечно.

Я помнил, что у отца часто не было времени заниматься мной, меня воспитывала мать и Тамерлан. Тамерлан в какой-то степени был мне не старшим братом, а отцом. Пытался наставить на пути истинный. Без большого успеха, увы.

Я, скорее, его неудача.

Я давно не видел, как он занимается с Сандро. Просто потому, что давно не был у них. Раньше брат много времени проводил с пареньком. Он его искренне считал своим сыном и любил, несмотря ни на что.

Уверен, что и сейчас Там для Сандро – лучший отец, о котором можно только мечтать.

Мне даже жаль, что я не вижу их. Стал совсем редко навещать семью, можно даже подумать, что я от них скрываюсь. Прячусь. Да так и есть на самом деле.

Мне до сих пор мучительно стыдно перед братом. И перед матерью.

Я совершил ужасный поступок тогда, когда пошел на

делку с Алиевыми.

Но то, что я сделал с Надей, кажется, еще ужаснее.

Потому что вот, на моих руках человек, от которого я ей предлагал избавиться.

Я чудовище. Да.

Но я живой. И пока я жив я могу что-то исправить. Хотя бы попытаться.

– Ильяс, будем плавать?

– Обязательно. Попрыгаем на волнах.

– Попыгаем.

Увы, попрыгать нам не на чем. На море тут почти все время штиль. Волн нет.

Но мы плаваем, барахтаемся у берега, брызгаем друг друга водой.

Он такой смешной, мой сын.

И так похож на Воробушка.

Воробушек. Я ведь именно такой ее и представлял себе. Раньше. Хотя она была другой. Волосы были ярко-ярко рыжие.

Я как-то пытался ее сфотографировать. Вслепую, конечно. Просто знал где она стоит, знал, что она меня не видит. Кадры ужасные, ее почти не видно.

После пытался разыскать ее в соцсетях. Но там не было фото. Просто смешная мультяшная аватарка.

Зато ее голос. Ее голос я бы ни с чем не спутал.

Он снился мне каждую ночь. Голос без картинки.

Как она смеялась надо мной, как строго называла на «вы». Как шептала по ночам что любит.

И тот ее последний крик.

«Я люблю тебя, Илик, люблю, люблю»... Чёрт.

– Ты чего, эй? – малыш смотрит внимательно.

– Что?

– Думаешь. – смотрит так серьезно, бровки хмурит и напоминает мне... меня!

И это так... так классно оказывается! Когда у тебя есть свой собственный маленький человек!

– Думаю.

– Мама тоже часто думает.

– Это нормально. Все люди думают. Давай-ка, на берег.

– Хочу купаться.

– Давай чуть обсохнем и я тебя намажу кремом.

– Холосо.

– Холосо, – дразню его я, нажимая на носик – кнопочку.

Выходим, я вижу, что он чуть дрожит, губы синие. Блин, видимо я переборщил с «молем». Надо отогревать парня.

Оборачиваю его полотенцем, нагретым на солнце, накрываю вторым.

– А ты кто? – неожиданный вопрос застаёт врасплох.

– В смысле? Человек.

– Длуг? – взгляд пронзительный. Это, наверное, уже от Воробушка, хотя я, конечно, не знаю какие у нее взгляды. Я ведь по сути ее не видел.

Не видел. Зато чувствовал.

И слышал. Слышал ее дыхание, стук сердца и... все остальное.

– Длуг? – переспрашивает еще раз малыш, а я даже не знаю, что сказать.

Какой я к черту друг? Я ей всю жизнь поломал. Хотя...

Она точно не выглядит поломанной жизнью.

Она выглядит прекрасно. Красавица.

Явно не бедствует, или этот ее недо-муж не бедствует. Я знаю сколько стоит номер в отеле Тамерлана. Даже самый скромный.

– Так длуг или нет?

– Длуг, длуг...

– Не дьзлись! Это некультуно!

Не могу сдержать порыв, неожиданно сам для себя крепко обнимаю сына.

Сына!

Некультурно! И правда, чего я дразнюсь?

И вообще... Веду себя как...

– Я друг, Ник. Тебе точно друг. Насчет твоей мамы... когда-то мне казалось, что я ее друг. А потом... потом я все испортил.

– Как все музыки?

– Чего? – таращу глаза на этого мелкого умника. Ишь ты! Где набрался?

– Так бабуля говолит. Все музыки все полтят. Поэтому она

незамузем. Но дед сказал, что он ее улого... уголо...

– Уговорит?

– Ага!

Бабушка... дед... интересно. Я ведь знаю, что у Воробушка мама умерла? И с отчимом она не общалась. Вернее, общалась один раз, тогда, на кладбище, я помню ее рассказ. Интересно, кого парень называет бабушкой и дедом.

– Ясно. Я тебе так скажу, может мужики и портят, а вот настоящие мужчины – нет.

– Я настоящий!

Улыбаюсь, глядя в эти довольные, гордые глазенки.

– А то! Конечно настоящий.

– Я маму защищу!

– А на неё кто-то нападает?

– Нет. Я же защищу!

– Молоток. Ну что, еще окунемся и домой?

– Не домой в номел. В отель.

– Точно, в отель. Нравится тебе тут?

– Ага. Особенно моле. И тепло. Дома холодно.

– Это точно. Холодно.

Снимаю с сына полотенца, беру его за руку, веду к воде. Не представляю сколько времени прошло, полчаса, больше – телефон остался в номере, часы тоже. В шортах, которые на шезлонге только карта-ключ.

Переживаю, что Воробушек нас потеряет, но мне так здорово вместе с мальчишкой. Хочется побыть с ним подольше.

Мы плаваем долго, но я слежу, чтобы его губы не синели. Выходим, снимаю с него жилет, вытираю тщательно.

– Все, в отель?

– А моложеное мона?

Мороженое. Наверное нельзя. Да и денег у меня с собой нет. Конечно, я могу записать в отеле не счет, но...

– Слушай, Ник, я не знаю, разрешает ли тебе мама.

– Лазлешает. – кто бы сомневался, что он так ответит!

– Да, но я должен у нее спросить. Давай мы пойдем к маме, спросим, если можно то... закажем тебе самую большую порцию.

– Большую низя.

– Закажем какую можно.

Мы идем к отелю и тут я понимаю, что не знаю в каком номере остановилась Надя. Ясно, что я могу спросить на респешн, но...

Спрашивать не нужно.

Она вместе со своим викингом идет нам на встречу. Видит сына, которого я уже не несу, а веду за руку, улыбается, раскрывает руки в объятия, и он летит к ней, такой счастливый!

А ее муж смотрит на меня, явно желая того, чтобы я сгинул в пучине морской.

Что ж, приятель, еще посмотрим, кто кого!

– Ма! Мы кыпались! А еще я хочу моложеное, и Иляс сказал, что купит. Если ты лазлешаешь!

– Ты разрешаешь? – смотрю на Надю, и вижу как она по-

крывается румянцем и дышит так...неровно.

Словно я спросил не о мороженом.

А я ведь и спросил не о нём...

Глава 8

– Мороженое?

– Да, ма, хочу, хочу!

Она улыбается сыну, нежно обнимает, хочет поднять на руки, но викинг останавливает ее.

– Давай я. Тебе нельзя.

– Все в порядке, Слав, он не тяжелый.

Но он ее не слушает. Поднимает мальчонку сам. И меня это бесит.

Бесит то, что он вот так бесцеремонен с ее желаниями. И еще бесит то, что ей чего-то нельзя, а я не знаю почему.

Она больна? Или... беременна?

Вероятность этого просто сводит с ума. Если это так, если дело в том, что Надя ждет ребенка...

Чёрт, не могу не думать об этом.

Столько всего произошло!

За последний час моя жизнь повернулась на сто восемьдесят градусов.

Я встретил Воробушка. Я её узнал! Я увидел её сына.

И мужа...

На это ведь я совсем не рассчитывал, на то, что Надя будет не свободна.

Хотя, признаюсь честно, последние месяцы я каждую

ночь видел ее во сне, видел образ мной придуманный, и слышал голос. И каждый день думал о том, чтобы возобновить поиски Воробушка, которые так бездумно и глупо прекратил когда-то.

Да, я в то время еще был болен, мне нужно было заниматься своим здоровьем, встать на ноги, вылечиться, а потом время было упущено, и...

Я дурак, просто кретин. Но сейчас не время заниматься самокопанием, не время посыпать голову пеплом.

Сейчас у меня есть возможность действовать.

Наверное.

Или нет. Потому что Надя замужем. Возможно, счастлива. Возможно, давным-давно забыла обо мне.

Хотя ее сын почему-то не называет викинга папой.

И... кольца на ее пальчике я не вижу.

Мысли в голове бегут с какой-то немыслимой скоростью. Я вспоминаю, почему, собственно, пошел с сыном на море – Надя упала в обморок. Наде стало дурно. А сейчас?

Сейчас она, вроде, выглядит не плохо, но я должен узнать, что с ней!

– Надя, ты как себя чувствуешь? Врач приходил?

– Да, все в порядке. Просто... со мной это бывает.

– Почему?

Она удивленно вскидывает на меня взгляд.

– Что почему?

– Почему так бывает? Раньше ведь не было?

– Это... долгая история. Спасибо тебе, что побыл с Ником.

– Не расскажешь?

– Что? – я понимаю, что не время для расспросов, и ей не очень ловко вот так со мной разговаривать, но...

– Слушай, Ильяс, думаешь твой допрос уместен? – этот Слава похоже реально нарывается.

– Извини, я не с тобой разговариваю.

– А я с тобой.

– Слава, Ильяс, не надо, пожалуйста. Ник, как ты поплавал?

– Здолово. Весело! Мы близгались и мыляли.

– Ныряли? И ты нырял?

– Ага. Ма... молозеное. – парень сидит на руках у мужа Нади, а смотрит на меня, словно поддержки ищет.

– Да, Воробушек, насчет мороженого? Я ведь могу угостить Ника?

Надя смотрит не на меня, на своего спутника, и я вижу ее растерянность.

– Хочу молозеное.

– Милый, скоро мы пойдем обедать, потом ты должен поспать...

– Ма... молозеное. – он не куксится, не капризничает. Но уперся рогом. Мне кажется почему-то, что этот парень из всех веревки вьет. Умеет настоять на своем. Как я в свое вре-

мя.

Хотя порой исполнение моих прихотей стоило мне слишком дорого.

– Малыш, тебе нужно хотя бы переодеться, и в душ после моря, вода такая соленая.

– Мы уже мылись, да Ильяс? – он не сводит с меня глаз, и мне хочется оправдать его надежды.

– Да, Надя, после моря мы оба были в душе у бассейна, так что он чистый, я даже штанишки ему передел – нашел в твоей сумке.

Велика хмыкает, но я пропускаю мимо ушей. Да, я все сделал как надо, хотя опыта с детьми кот наплакал!

– Сынок, тебе в любом случае нужно надеть футболочку, и другие шортики, хорошо?

– Холосо.

Воробушек смотрит на меня, на ее щеках снова румянец.

– Если я зайду за ним к вам в номер минут через пятнадцать? – вопросительно поднимаю бровь. Я навязчив? Возможно. Но в данной ситуации.

– Это лишнее, спасибо за помощь, дальше мы сами справимся. Надя, нужно подняться в номер переодеть Ника, пойдем, – викинг поворачивается, чтобы уйти.

– Молозеное! – требовательно заявляет сын и мужу его матери приходится остановиться.

– Ник, мы тебя переоденем и сразу спустимся в кафе.

– А он там будет? – мальчишка заинтересованно смотрит

на меня, Славик сжимает челюсти.

– Естественно будет, куда он денется, – говорит, словно выплевывает. Но он прав – куда я денусь.

Надя снова глядит на сына, на мужа... а на меня нет.

А я хочу смотреть на неё. Хочу налюбоваться – за все то время, когда мог только слышать.

– Ник, я буду ждать вас тут! Самая большая порция с меня!

Показываю ему большой палец, он улыбается.

– Да!

– Увидимся, сынок! – не знаю каким образом это слово вырывается у меня, но понимаю, что поймать его уже не могу, и забрать обратно тоже. Мальчишка вряд ли что-то понимает, а вот его мать и её муж...

Викинг явно готов испепелить меня взглядом, желваки играют, он качает головой, поворачивается и быстро идет к лифтовому холлу.

А Надя... вижу, как в уголках ее глаз собирается влага. Она сглатывает, качает головой.

– Надя... Прости, я хотел...

– Не надо Ильяс. Давай... потом поговорим, хорошо? Не сегодня. Не здесь.

Я могу протянуть руку, дотронуться до нее. Я запомнил легкость и мягкость ее тела, там в бассейне. И аромат ее кожи с легкой ноткой цитруса.

Поговорим, Надя. Теперь точно поговорим.

Теперь я знаю, что ты жива и почти здорова. Что ты не пропала без вести, не умерла. Что ты не призрак. Что ты не приснилась мне. Не привиделась тогда, когда я был слеп.

– Я буду ждать Ника в кафе.

– Хорошо.

– И тебя.

Она смотрит на меня, словно тоже пытается рассмотреть и запомнить. А потом говорит очень спокойно.

– Я рада, что ты выздоровел. Ты молодец. Встал на ноги. Я тоже встала на ноги. У меня все хорошо. Я очень счастлива Илик, и я никому не позволю разрушить свое счастье. Надеюсь, ты меня услышишь.

Я услышал. Вопрос в том, готов ли я с этим смириться.

Быстро поднимаюсь в номер, надеваю свежую белую льняную рубашку, белые же льняные брюки, смотрюсь в зеркало привожу в форму мокрые после бассейна и душа волосы – высушить я их точно не успею. Достая одеколон. Смотрю на аккуратно подстриженную бороду, вспоминая, как Надя помогала мне бриться.

Чёрт.

Опираюсь о раковину в ванной комнате.

Смысл мне идти туда, в кафе? Любоваться на счастливое семейство? Видеть ее с другим? Думать о том, что хочу разрушить их счастье?

Снова влезать в чью-то жизнь, пытаюсь сломать?

Смотрю на свое отражение...

Что же ты за человек такой, Ильяс Умаров? Почему тебе вечно нужно что-то портить?

Я не должен туда идти. Я должен сейчас же, сегодня же собрать вещи и уехать. Уехать обратно на Дальний Восток, или снова на Север, в Мурманск, или на Камчатку – туда меня тоже звали.

Я должен оставить ее в покое. Дать ей возможность жить дальше. Любить сына, мужа, рожать ему детей...

Почему же так больно?

И как же быть с этим парнишкой? С моим ребенком? Неужели я должен его бросить?

Что же мне делать?

Кадар. Может моя судьба в том, чтобы сейчас взять и отойти в сторону?

Закрываю глаза, и словно наяву вижу паренька, который похож и не похож на меня, он просил меня угостить его мороженым. Я же не могу его обмануть?

Встаю, выхожу из ванной, подхожу к двери вовремя – кто-то стучит.

Глава9

– Мам, ма! Ну... быстрее... молозеное...

– Милый, сейчас, я достану тебе маечку чистую, и шорты.

И сразу пойдем.

Я копаюсь в чемодане, который еще не успела разобрать. Делаю вид, что выбираю одежду. На самом деле – беру небольшую паузу, тайм-аут.

Надо подумать.

Что мне сказать Ильясу? И должна ли я что-то говорить?

Он сам сделал выбор тогда? Нет?

Да, он меня искал, но не нашел.

Кира, мама Славы, как-то сказала мне, что если бы он очень хотел, то... Да я и сама знаю. Когда чего-то хочешь – горы сдвинешь!

Значит не хотел.

Значит это просто была блажь. Прогнал, когда надоела, потом узнал о беременности, решил вернуть, непонятно за-чем, гордость горца что ли взыграла? Искал, не нашел, ну и ладно.

Миссия выполнена.

Но... почему же тогда сегодня он смотрел и на меня, и на нашего сына как на чудо? И в его голосе было столько нежности.

И он смог за какой-то час проведённый на море влюбить

в себя нашего сына.

А мой Колясик не так-то прост, он с чужими очень строг. Он и Славу далеко не сразу принял, хотя Слава был с ним почти всю жизнь, с самого рождения, исключая несколько месяцев.

– Ты серьезно хочешь идти в кафе есть мороженое? – я вздрагиваю, испуганно. Голос жениха застает врасплох.

– Прости, напугал?

Слава садится рядом.

– Ну что ты, Надя?

– Что?

Мы смотрим друг на друга, вижу, как дёргается уголок его рта, словно он хочет ухмыльнуться, но не решается это сделать.

– Хочешь, я сам отведу Ника? Пусть поедят мороженого. Вдвоем. А мы побудем тут. Вдвоем?

Как он себе это представляет?

– Надя...

– Что?

– Ты же знаешь, что я тебя люблю?

– Знаю.

Я на самом деле знаю. Слава делал для меня столько, сколько ни один другой человек в жизни не сделал. Ну, может еще его мама. Кира.

Она, пожалуй, самый близкий мне человек. Они оба помогли мне вернуться к жизни.

– Надь...

– Что?

– Подумай насчет свадьбы.

– Зачем?

Он смотрит на меня непонимающе. Но я тоже его не понимаю.

– Ты так не уверен в наших отношениях? Во мне? Ты правда считаешь, что вот он появился и все? Я побежала за ним как собачонка? Считаешь, что я забыла, как он выгнал меня, беременную из своей жизни, сказав, что я ему не нужна?

– Тише... ты... зачем ты кричишь?

– Я не кричу. Прости. Просто что мне очень обидно, что ты вот так обо мне...

– Тише, тише... – он притягивает меня в объятия, укачивает как ребенка.

А мне и правда очень обидно. Потому что все так не вовремя!

В дверном проеме появляется мой сынишка. Упрямо сводит бровки.

– Ма... молозеное...

– Да, милый идем.

Достаю первый попавшийся комплект одежды, подзываю Ника, Помогаю ему переодеться. Слава наблюдает за мной внимательно, потом у него звонит телефон, и он выходит из комнаты.

– Ма...

– Что милый?

– Ильяс сказал, что он друг.

– Он друг, да.

– Он холосий?

– Хороший.

– Ты пвачешь?

– Нет, ты что? Просто...немного устала. Пойдем?

Выхожу, вижу, что Славы нет в номере. Почему-то сердце начинает стучать быстрее, и руки дрожат.

Я не хочу, чтобы он шел к Ильясу и что-то выяснял.

Я сама должна все выяснить, должна поставить все точки над «и».

Это моя жизнь. Я хочу все решить сама.

Глава 10

Выхожу из номера, веду Ника за руку.

Слава не мог пойти к Ильясу, просто не мог! Понимаю, что он так же как и я просто в шоке от факта внезапного появления Ильяс, но очень не хочу каких-то ссор, скандалов и разборок между ними.

Я должна сама решить все вопросы!

Слава Богу, мой жених стоит в коридоре. Разговаривает по телефону. Видит меня, улыбается виновато, быстро заканчивает разговор.

– Извини, малыш, по работе. Пойдем?

Мы спускаемся вниз.

Небольшое, уютное кафе с мороженым расположено прямо в отеле, напротив большого холла, где расположены стойки администрации и зона отдыха.

Ник вприпрыжку бежит к лотку с разноцветными контейнерами с мороженым. Каких вкусов тут только нет! У меня у самой глаза разбегаются. Неожиданно тоже очень хочется взять порцию.

Мятное с шоколадом. Или черносмородиновое. Или соленую карамель. Или сразу два или три на выбор.

– Какое тебе, милый? – быстро оглядываю зал в поисках Ильяс. Его нет.

Почему-то щемит сердце – неужели не придет?

– Погоди, ма. Иляс зе обесял угостить?

– А если я тебя угощу, не считается? – улыбается Слава.

– Неть, – категорично заявляет мой упрямец-сын.

– Тогда давай подождем Ильяса.

– Подоздем.

Почему-то я начинаю нервничать. Мне кажется он уже должен быть тут. Мы не так долго собирались. Почему его нет?

– Ты будешь мороженое, милая? Тебя-то я могу угостить?

– Меня можешь! – улыбаюсь Славе, чувствую, как его рука оказывается у меня на талии. – только я еще не знаю, чего я хочу.

– Не знаешь, чего хочешь? – он смотрит пристально, сначала в глаза, потом на мои губы, наклоняется ко мне. – Со всем не знаешь?

Целует сначала легко, невесомо, просто касается уголка губ, потом пытается углубить поцелуй, а мне становится неловко, хотя в кафе совсем нет посетителей, только скучающая девушка за стойкой, втыкающая в телефон.

– Слав...

– Что? Я не могу поцеловать невесту?

– Можешь... но...

– Но? Мы тут почти одни, никого нет, никто не видит.

– А Ник?

– Он смотрит за рыбками. – в кафе стоит огромный красиво подсвеченный аквариум и Ник, конечно же уже рядом

с ним, смотрит замороженно. – Ему до нас дела нет.

– Слав...

– Один поцелуй за три шарика мороженого!

– Ты змей искуситель! – я смеюсь, и подставляю губы, вытягивая их уточкой, давая понять, что согласна только на поцелуй в шутку.

Но мой жених шутить не намерен. Он прижимает меня к себе. Крепко. Выглядывая что-то в моих глазах.

– Надя, я люблю тебя.

Почему-то мне становится страшно.

Он меня любит. И я ведь тоже его люблю?

– Извините, я опоздал, – голос Ильеса заставляет вздрогнуть. – не помешал?

Он иронично поднимает бровь, задирая свои «авиаторы».

– Помешал! – безапелляционно заявляет Слава, и целует меня, а я...

Мне хочется увернуться, но я понимаю, что если сделаю это, то поставлю моего будущего мужа в неловкое положение. Да и почему я должна уворачиваться? Еще вчера я бы и не подумала это сделать.

Мне нравятся его поцелуи. И он мне очень, очень нравится.

Я влюблена в него. Да. Поэтому и согласилась выйти за него замуж.

Господи, как все сложно!

Зачем мы приехали на Кипр?

– Ильяс! Привет! – Ник видит своего нового «длуга», бежит к нему довольный, – Ты пишёл!

Я все-таки отрываюсь от Славы, глядя на моего любимого малыша.

– Конечно пришёл! Ну что, выбираем мороженое?

– Ага, давай! – и Ник протягивает Илику руки, чтобы тот поднял его.

Эта картина заставляет мое сердце дрогнуть.

Ильяс поднимает сына на руки, бросает взгляд на меня, замирает, как-то очень виновато улыбается.

– Сколько шариков можно этому чемпиону?

– Два, больше он не съест, – почему-то у меня голос хрипит, откашливаюсь.

– Тли! Я сем тли! – заявляет Ник, Ильяс усмехается.

– Если что, я тебе помогу, дружище, выбирай!

Он подносит Ника к витрине, Слава отодвигает меня, удерживая за талию.

– Так что, милая, ты сама какое будешь?

– Дай подумать, – изо всех сил стараюсь улыбаться и вести себя непринужденно, – соленую карамель, мятное с шоколадом и...и ванильное. И еще капучино.

– Хорошо. Девушка! – Слава подзывает официантку, делает заказ, а я исподтишка смотрю на Ильяса. Он внимательно слушает Ника, который спрашивает какой вкус у синего мороженого, а какой у зеленого.

Илик поворачивает голову и ловит меня за подглядыва-

нием. И снова я вижу его виноватую улыбку.

Наконец, мы все определяемся с заказами, занимаем большой столик.

Разговор, естественно, не клеится. Только наш Николай не замечает общей неловкости, увлеченно рассказывает Илику о том, что в нашем городе тоже есть кафе мороженое, которое называется «пигин».

– Пингвин, – перевожу я.

А Ник продолжает, замечая, что там не так много разноцветного, но очень вкусно.

Как я и предполагала сын клюет пару ложек синего, зеленого, и ест из моей розетки самое простое ванильное. А Ильяс давится остатками его порции.

– Вкусно? – спрашивает его Ник.

– Очень, – откровенно врет Илик усмехаясь.

– Может не есть, он не обидится, – тихо шепчу я, и вижу, как напрягается Слава, который не слышит, что я говорю.

– Нет уж. Я совершу этот подвиг. – Илик смотрит на меня и облизывает ложку, а я становлюсь красной как рак.

У Славы снова звонит телефон, он смотрит на экран, морщится.

– Я должен ответить.

– Да, конечно.

Моему великану приходится выйти из-за стола. Мы остаемся вдвоем.

Я, Ильяс и наш сын.

– Надя... я хотел...

– Ма, мне надо выйти.

Ник у меня давно приучен просится, если ему нужно, хотя я знаю, некоторые дети его возраста все еще в памперсах в людных местах. Но мой сынок молодец. Он и говорить стал очень рано, и его речь стремительно прогрессирует. Педиатр мне говорила, что обычно в таком возрасте речь лучше у девочек, мальчики молчуны, но у нас совсем не молчун, наоборот.

– Извини, Ильяс.

– Я могу его отвести.

– Нет, я сама.

– Тебе придется его поднимать? Тебе же это вредно в твоём положении? – Ильяс смотрит на меня вопросительно, а до меня не сразу доходит, о чем он.

А когда я понимаю, то опять краснею.

– Я справлюсь сама, спасибо.

– Позови мужа лучше, если мне не доверяешь. – он сжимает челюсти.

– Ильяс, я...

Хочу сказать, что я не беременна, и не замужем, но почему-то молчу.

– Мы сейчас вернемся.

Беру сына за ручку, мы идем к заветной двери. Ник довольно быстро делает свои дела, но когда я возвращаюсь Ильяса уже нет.

– А где друг? – удивленно спрашивает Ник, а я вопросительно смотрю на Славу.

– Ему кто-то позвонил, и он вышел. – Слава пожимает плечами, – он просил его извинить. Если вы закончили, пойдем в номер? Есть еще время до обеда, хотя сомневаюсь, что кто-то тут хочет обедать.

Слава, поднимает Ника на руки, шутливо поддевает его носик своим, Ник улыбается.

– Хочу на моле.

– На море попозже, сначала обед, потом надо поспать, а потом уже море. Раньше нельзя, жарко.

Он прижимает к себе моего сына одной рукой, второй обнимает меня.

А у меня сердце колотится как сумасшедшее.

Я не могу понять куда пропал Илик и... мне почему-то очень обидно, что он вот так ушел.

Мы подходим к лифту, когда я слышу голос.

– Надя? Надя... подожди...

Глава 11

Почему-то я был уверен, что в номер стучит это Слава. Но оказалось пришла горничная, насчет уборки.

Я пригласил ее в номер, а сам решил все-таки спуститься в кафе.

Я ведь обещал Нику, что угощу его мороженым? Нехорошо обманывать ребенка.

Ребенка. Сына!

В голове все еще не укладывается эта информация.

Смотрю как он уплетает мороженое, в глазах темно.

Я не знаю, что мне делать.

Умом понимаю, что, наверное, я должен просто отойти в сторону.

Воробушек сказала, что он счастлива, и не даст разрушить свое счастье.

Но мне нужно хотя бы поговорить с ней. Я...

Мне физически больно в присутствии этого ее викинга. Я словно снова заперт в немощем теле. Слеп. И встать не могу.

Связан по рукам и ногам.

Удачный момент для разговора наступает, когда мой соперник встаёт и выходит, чтобы ответить на звонок. Но Ник просится в туалет и Наде нужно его отвести.

Я как идиот задаю глупые вопросы, пытаюсь развести её

на ответ. Почему ей нельзя поднимать Ника? И... вообще, муж ли ей этот Слава? Кольца-то нет?

И чего я так циклюсь на этом кольце?

Тамерлан много лет носил кольцо, хотя был вдовцом. А некоторые женатые мужчины кольцо не надевают принципиально – проще девиц обманывать в статусе холостяков.

Муж Нади возвращается. Ее все еще нет.

– Ильяс, я хотел сказать тебе... По-хорошему. Оставь нас в покое, ладно?

– А по-плохому?

– Лучше не надо по-плохому. Давай так. Встретимся вдвоем, после обеда. Скажем, часа в четыре. Тут есть «тренажерка», приходи туда, поговорим.

– Хорошо.

Теперь телефон звонит у меня.

– Я отойду, но вернусь. Мне нужно попрощаться с сыном.

– Я скажу им, что у тебя дела.

– Так не пойдет. Я сам хочу попрощаться.

Он смотрит презрительно, но это его проблемы.

Отвечаю на звонок матери.

Она рассказывает мне, что собирается приехать в Москву, познакомиться с внучкой.

Я честно сказать до сих пор не очень хорошо понимаю, что там происходит у моего брата. Мне нужно к нему поехать, нужно с ним встретиться, но...

Мне до сих пор мучительно стыдно. А уж при мысли, что

я увижу Светлячка...

Заканчиваю разговор, возвращаюсь в кафе – наш столик уже убран и никого.

Бегу к холлу, там тоже пусто, возможно они у лифта. Спешу туда, мечтая, что мне повезет.

– Надя! Надя, подожди.

– Ильяс?

– Я хотел... – вижу как чернеют глаза викинга. Ладно, с ним я в тренажерном зале могу разобраться! – я хотел просто сказать Нику «пока».

– Иляс!

– Да, чемпион! Увидимся, хорошо!

– Увидимся! – он улыбается такой знакомой мне улыбкой. Моей.

Лифт закрывается. Я закрываю глаза, качаю головой.

Увидимся... Мы обязательно должны увидеться с ним. Вот только не знаю как.

Встречи с сыном – это неизбежные встречи с его матерью. Матерью, которая счастлива с другим мужчиной. Она сама так сказала.

Вынесу ли я эту пытку? Раз за разом видеть ее, и понимать, что она для меня потеряна навсегда?

Выхожу из отеля, мне нужно проветриться. Вообще, по-хорошему, мне нужно позвонить брату. Мне нужен его совет.

Набираю номер и...

Неожиданно вспоминаю сцену, по-моему, тогда Надя пер-

вый раз пришла к нам в дом. Да, да... именно. Помыла меня в душе. А я, я, как всегда, показал себя не с самой лучшей стороны.

Тогда она и выдала мне по первое число. Сказала фразу, которая задела, зацепила, словно колючей проволокой по стеклу.

«Без Тамерлана ты никто».

Сбрасываю до того, как звонок проходит.

Я поговорю с братом, только позже. Пока я должен сам, сам попытаться сделать хоть что-то стоящее.

Попробовать найти решение вопроса. Мне нужно, чтобы мой сын знал, что я его отец. Мне нужно договориться с его матерью.

При этом постараться сделать так чтобы...

Чтобы не мешать ее счастью.

Глава12

– Пришел.

– Пришел.

– Отлично, – викинг ухмыляется, оглядывает меня с ног до головы.

– Надеюсь, бить не будешь? – я тоже ухмыляюсь.

– Вот еще, охота была руки марать о такую мразь...

Меня коробит. Но я понимаю, что он прав.

Да, я мразь. По его мнению – точно.

Бросил беременную девушку. Которая... которая меня по-настоящему любила.

Опускаю голову, сжимаю зубы.

– Ты вызвал меня на разговор. Если ты просто собираешься объяснить мне какое я чмо, можешь не стараться, я и сам знаю.

– Знаешь? Неужели? Что ты знаешь, Ильяс? Что ты вообще знаешь? Ты, мажор, золотой мальчик, что ты...

– Я сказал, можешь не стараться! По существу есть что сказать? – кулаки непроизвольно сжимаются.

– Есть. Ты должен уехать. Или уедем мы. Выбирай.

– Если я скажу нет?

– Уедем мы.

– Я все равно вас найду.

– Зачем? Зачем тебе нас искать? Надя моя жена! А Ник...

– А Ник мой сын. Начнем с этого. – сам не знаю, зачем я все это говорю ему.

Я ведь сам, реально сам несколько минут назад принял решение отойти в сторону! Не мешать счастью Воробушка! Так как она и просила!

И что я делаю теперь?

Ох... Ильяс... не исправимый!

Все норовишь сломать чужую жизнь!

– Сын, от которого ты хотел избавиться.

– Неправда! – голос мой срывается.

– Хотел. Ты предложил ей деньги. Она мне все рассказала.

– Слушай, Слава, или как там тебя...

– Для вас Вячеслав Владимирович.

– Ах, Владимирович... Хорошо, так вот...

– Нет, не хорошо, не так и не вот! Говорить буду я, Ильяс, а ты слушай. Надя, она... ты понимаешь, эта девушка она... она такое уже перенесла в своей жизни... Ты ведь ничего не знаешь, даже не представляешь! Мы ее... мы ее буквально по кусочкам собирали. Она заново училась жить, смеяться, улыбаться... только-только выдохнула, только-только начала все сначала. И тут появляешься ты.

Он буквально выплевывает в меня каждое слово, а я не понимаю, о чем он.

Что такое случилось с Надей? Почему она... Неужели из-за меня?

– Я не понимаю... что... что с ней случилось?

– Не понимаешь. И не поймешь. Хотя... ты ведь... ты правда был инвалидом, да? Не мог ходить, видеть? Вспомни, как ты себя чувствовал в то время? Хреново тебе было?

Вспоминаю и... чёрт, хреново, с одной стороны. А с другой...

Я был слеп, я сидел в коляске. Но у меня был мой Воробушек.

Я... я был счастлив!

Чёрт возьми в то время я был счастлив!

Гораздо счастливее чем теперь.

– Представь, что с ней случилось почти то же самое.

– Что?

– Не важно. Теперь не важно. Важно, что она жива и почти здорова. Почти, потому что ей нужно беречь себя. Никаких потрясений. А ты.. Ты потрясение, понимаешь? Все, что случилось дерьмового в ее жизни – случилось из-за тебя, Ильяс.

Сглатываю. Почему-то меня начинает подташнивать. Страшно. Страшно понимать, что ты окончательно теряешь что-то безумно важное.

– Я ничего не понимаю, но...

– Я же говорю, ты не поймешь. Просто... поверь, тебе лучше отпустить ее. Оставить в покое. Она моя жена. Ее сын, это...

– Мой сын.

– Хорошо. Да. Это твой сын. Но ты не имеешь на него

никаких прав. И не будешь иметь, ясно?

– Ты мне угрожаешь?

– Пока нет. – он смотрит на меня как на букашку, презрительно. – Но если я пойму, что ты чем-то угрожаешь Наде...

– Чем я могу угрожать ей? Ты в своем уме?

– Если я пойму, что ты ей угрожаешь, предупреждаю, мало тебе не покажется. И то, что ты сидел в коляске слепой – будет раем. Понял?

– Понял. Понял, что ты урод. Ясно? И не тебе решать угрожаю я ей или нет. И вот что я скажу тебе, умник, я хотел отойти в сторону и не мешать. Оставить вас в покое, как она просила. Но теперь, послушав тебя, я скажу – нет уж! Я точно не оставлю ее с таким уродом как ты!

– Что ты сказал?

– Что слышал!

– Ты...

Его длинные руки хватают меня за плечи, но я ставлю блок. Еще мгновение и мы с ним сцепимся, как два петуха на бойцовском ринге.

Я знаю, что мои глаза наливаются кровью. Его глаза тоже смотрят с ненавистью. Он силен. Но и я тоже не слаб. Я могу отправить его в нокаут, если сильно захочу! И я это сделаю, если...

– Что тут происходит?

Глава13

Смотрю в огромные, распахнутые от ужаса глаза Воробушка, и понимаю, что в очередной раз облажался.

Мне вообще не стоило встречаться с её мужем.

Не стоило соглашаться на этот разговор. Если я кому-то и задолжал беседу, то не ему, а ей.

Надежде.

Моему сладкому Воробушку, который, увы, уже не мой.

Убираю руки, поднимая их вверх.

– Извини. Я... я не хотел.

– Надя, прости, – этот придурок тоже отпускает меня, чуть отталкивая от себя. Пытается делать вид, что он не у дел.

Ладно, чего уж там.

Воробушек молча выходит из тренажерного зала. Мы с ее супругом переглядываемся, оба одновременно делаем шаг, чтобы идти за ней, но тут он снова хватает меня.

– Уйди, по-хорошему! Правда! Хватит ей тебя, слышишь? Она наелась всем этим досыта.

Я все еще не понимаю, о чем он, но делать больно Наде точно не хочу.

Не готов.

С другой стороны. Сын. Мой сын!

Которого я не могу и не хочу бросать!

– Я просто хочу поговорить с ней о сыне.

– Чёрт, ты не понимаешь, да?

Понимаю, наверное. Но отступать сейчас, когда я узнал о том, что с Надей все хорошо, что она родила ребенка... Не могу.

– Слушай, может Надя сама решит, что ей делать, а?

– Она уже решила. Ты так не считаешь? Решила, когда ушла от тебя.

– Я хочу услышать это от неё.

Двигаюсь дальше, выхожу из зала. Вижу стоящую у стены Надю. Какая она хрупкая. Нежная.

Кто ей сказал тогда, что она некрасивая? Что за бред? Почему она в это верила?

Она... она просто нереальная. Почему-то дико хочется написать ее портрет, хотя художник из меня так себе, но рисовать я умею. Я посадил бы ее где-нибудь, на траве, под цветущим деревом, любовался бы ею, делая вид, что работаю над картиной.

– Надя...

– Надя, ты оставила Ника одного?

– Он уснул. Я...

– Надя, нам нужно поговорить, – стараюсь, чтобы мой голос звучал спокойно, но он предательски дрожит.

Она смотрит на меня, потом на Славу. Почему она смотрит на него? Словно разрешения спрашивает! Это раздражает.

Раздражает, потому что я не ее муж. Если бы я был её мужем, то хотел бы чтобы она вот так смотрела на меня. Чтобы моё мнение было для неё важным.

– Ильяс, я просила тебя... Я... Я не готова сейчас ни о чем разговаривать. Пожалуйста. Мы приехали отдохнуть. Просто отдохнуть.

Опускаю голову. Да, я все понимаю, конечно, но...

– Пожалуйста, оставь нас в покое сейчас.

– Сейчас? – не могу удержаться и не спросить.

– Да. Я понимаю, что ты, возможно, хочешь узнать больше про сына, что ты... сейчас тебе кажется, чтобы хочешь участвовать в его жизни...

Что она имеет в виду под этим «сейчас тебе кажется»? она что же, считает, что это моя прихоть? Блажь? Что я поиграю с ребенком, а потом, когда мне надоест, я его брошу?

Почему-то предательски холодеют конечности.

Ведь именно так я, получается, поступил с ней?

Поиграл и бросил.

Так летом берут для детей котят на дачу. Пока они маленькие, хорошенькие. Пока с ними весело играть. Они забавные, смешные. Дети радуются.

А потом... потом наступает время уезжать в город. И котята уже выросли, их надо воспитывать, кормить, лечить...Проще выбросить.

Ведь так я поступил с Воробушком, да?

Чёрт, вспоминаю лето у деда. Котенка, которого подарили

соседской девочке и которого ее родители выбросили, возвращаясь в квартиру. А дед подобрал. Несмотря на то, что живности у него было достаточно. Это был далеко не первый брошенный котенок, которого он взял. Я тогда еще спросил его – зачем? Ведь ему и так не просто с домом управляться? А дед ответил, что нужно защищать слабых. Тогда ты мужчина, а не... дальше он сказал не очень приличное слово.

И вот я понимаю, что стал для Нади именно этим. Неприличным словом.

– Надя... – мне хочется оправдаться. Хочется объяснить, что все не так. Что я не собираюсь лезть в ее жизнь. Что я хочу просто быть сыну другом, что я его не брошу.

Замечаю, какая она бледная.

Ее супруг подходит ближе.

– Милая, тебе плохо?

– Да. Я... я устала. Пожалуйста, отведи меня в номер.

Чёрт... да что такое произошло? Что?

– Надя, если нужно обследование в клинике – я договорюсь. Ты... ты помнишь Зою? Она вышла замуж за врача тут, на Кипре. Еще тогда. У него свои клиники, лучшие на острове. Ты только скажи, я все сделаю.

– Не надо. Спасибо.

– Ты уже сделал, – отвечает ее супруг сквозь зубы, тихо, но так, что я слышу. И Надя тоже слышит.

– Слава... прекрати, пожалуйста.

– Надя, я просто хочу, чтобы ты была спокойна. Вот и все.

– Я спокойна.

Он поднимает ее на руки.

– Не нужно, я бы сама дошла.

– Подвиги твои не нужны, это точно.

Они идут к лифту. Я как привязанный следом.

Слава бросает на меня тяжелый взгляд.

– Надеюсь, ты все понял?

Я понял. Понял, что не готов оставить ее с ним. И сына тоже.

Надя смотрит на меня, у неё такой спокойный взгляд. Безразличный.

Словно я совсем ничего для неё не значу.

– Ильяс, давай поговорим потом, ладно? Мы вернемся в Москву и свяжемся с тобой. – она даже улыбается вымученно.

Киваю. А про себя думаю – как бы не так! Почему не могу провести тут пару дней с сыном? Хотя бы пару часов?

Ему не обязательно знать, что я его отец, но... я ведь его «длуг»?

Ладно, я готов отойти в сторону. Пока. Готов сделать так как просит Воробушек.

Но... совсем быть крайним я точно не намерен.

Я хочу быть рядом с сыном. Даже если его мать... даже если она влюблена в своего мужа, в чем я, почему-то сильно сомневаюсь. Может, конечно, во мне просто говорит зависть. Дурной характер дает о себе знать.

Это не лечится, Илик... увы... Качаю головой, усмехаясь сам над собой.

Не могу быть хорошим. И не хочу!

Хотя... надо.

Но... в другой жизни, наверное.

В другой жизни.

Собираюсь дать Наде сутки на то, чтобы она немного остыла, пришла в себя. Приняла тот момент, что мы встретились. Что я вернулся в ее жизнь. В их жизнь, её и моего сына. Мужа я в расчёт не беру.

Сутки. А потом... Потом я буду действовать более решительно. Нам нужно поговорить. Все выяснить.

Я хочу быть в жизни Ника. И не просто в качестве «длуга». Я его отец и хочу быть отцом. Тем более Надин муж, как я понимаю, эту функцию не выполняет в должной мере. Иначе ребенок называет бы его папой.

Я четко разработал план действий. Подготовил то, что скажу ей. Нашел тонну аргументов «за».

А потом...

Потом я кое-что узнал. То, что меня сначала шокировало, потом взбесило, потом.... Потом дало надежду.

Надежду на... Надежду.

Но, увы, как говорят, человек предполагает, а Бог располагает?

Стоит узнать одну хорошую новость как тут же появляется одна плохая.

Увы...

Разговор с Надей придется отложить.

Глава14

– Николенька, солнышко мое, просыпайся, милый!

Мой малыш после дневного сна обычно капризный. Сначала не хочет ложиться, потом не спешит вставать. Я люблю прилечь рядом, обнять его. Он так вкусно пахнет! Самое большое счастье – когда его ручонки обнимают меня за шею, и он шепчет мне на ухо: «я люблю тебя, мамочка». Это главные слова на свете. С ними ничто не сравнится!

– Ник... котик мой, вставай! Пойдем на море!

– Моле? А длуг?

Друг... он спрашивает об Ильесе, а у меня в груди тяжесть.

Я и хочу его видеть, и не хочу.

Думала, что уже перевернула эту страницу. Закрыла.

Давно, еще тогда, когда носила моего малыша под сердцем.

Я узнала, что Ильяс меня искал, но... Я не захотела тогда возвращаться к прошлому.

Сама не захотела. Это был мой выбор.

Сейчас я понимаю, что я сделала выбор не только за себя, но и за сына тоже.

Имела ли я на это право?

Ответа не знаю. Возможно, мне нужно с кем-то посоветоваться? С Кирой? Или с отчимом?

Все сложно.

Мне нужно время.

– Ник, я не знаю, будет ли на море твой друг Ильяс, думаю, если он захочет тебя увидеть – он нас найдет.

Если захочет.

– Он захочет, ма, он же друг!

Ник хлопает глазенками, для него ответ очевиден. Ах, если бы все было так просто!

Мы идем на пляж, по дороге я кошусь на тот шезлонг, на котором лежал Ильяс утром. Там пусто, никого.

Может он придет позже?

На пляже его тоже не видно. Но я не ищу специально, просто смотрю.

А Слава смотрит на меня. Вижу, что он стал серьезнее. Он не злится, нет. Но я прекрасно понимаю, что его эта ситуация не может оставить равнодушным.

– Надя, как ты себя чувствуешь?

– Все хорошо.

– Купаться пойдешь?

– Нет, я полежу под зонтиком, идите с Ником.

– Хорошо. – Слава наклоняется, чтобы поцеловать меня, я отвечаю. Смотрю как он берет на руки Ника, подкидывает его. Ник хохочет. Они заходят в воду, оба смешные – высокий-высокий Слава, и крохотный Ник.

Ник не называет Славу папой, он знает, что Слава не его отец, хотя Слава и предлагал себя на эту роль. Но...в тот

момент я была против. Да и сейчас, думаю, что поступила правильно. Слава с Ником ладят, меня это устраивает.

А отец...

– Надя?

Резко поворачиваюсь, сердце сразу ускоряет бег. Ильяс на пляже. Но одет совсем не по пляжному. На нем брюки и рубашка, на ногах светлые легкие туфли. Почему-то мне это не нравится. Он... он уезжает?

– Надя, мне нужно срочно вернуться домой, в Россию. Поеду сразу на север, в Ханты-Мансийск. На объекте проблемы. Меня ждут уже завтра. Я думаю, это займет неделю, может две. Скорее всего сюда, на Кипр я уже не вернусь. Но я хотел бы увидеть тебя и... Ника.

– Да... хорошо, – я теряюсь. Он стоит тут, такой деловой, собранный... другой. Не похожий совсем на того Илика которого я знала.

Не мажор. Серьезный мужчина.

– Дай мне, пожалуйста, свой телефон. Скажи, как тебя найти, где ты теперь живешь?

– Я... я живу в Москве.

Он смотрит удивленно, даже, наверное, потрясенно.

– В Москве? Правда? И...

Я знаю о чем он хочет спросить. Почему я не искала встреч. Почему не рассказала о сыне.

Почему я не общаюсь с Товием Сергеевичем, который все так же работает в клинике Тамерлана.

У меня есть ответы, правда, не на все вопросы.

– Я... я могу сама тебе позвонить?

– Надя, пожалуйста. Я все равно тебя найду, даже если ты снова вздумаешь убежать.

– Я не убегала, Ильяс. Ты меня сам прогнал.

– Я тебя искал, ты знаешь, не можешь не знать.

– Давай не будем об этом. Записывай.

Быстро диктую цифры, потому что вижу как из моря быстро выходят Слава и Ник.

– Длуг! Пливет! Ты чего в штанах? – мой малыш – сама непосредственность, Ильяс улыбается, глядя на него, так тепло улыбается, и почему-то мне кажется, что его глаза...Его глаза становятся влажными.

– Ник, я уезжаю.

Ник тянет руки к Илику, он весь мокрый, только из воды, а Ильяс в шикарной рубашке и идеально выглаженных брюках, но несмотря на это он шагает навстречу, чтобы взять ребенка.

– Он мокрый, он тебя испачкает.

Ильяс смотрит так, что я понимаю – меньше всего его волнует чистота вещей.

– Наплавался, чемпион?

– Не-а! Еще хочу!

– Замерз опять, губы синие.

– А ты пойдешь купаться? – мой малыш так смешно говорит, закусывая губу, глядя на эту сцену. Меня пробирает

дрожь.

Как все не просто! Я знаю, что скоро должна буду сказать Нику кто его папа. Он уже начал спрашивать. Я отшучивалась, избегала темы. Теперь вряд ли получится соврать.

Илик о чем-то говорит Нику тихонько, а я замечаю, как Слава смотрит на меня. Улыбаюсь виновато.

И, кажется, знаю все, что мне скажет вечером мой будущий муж.

А вот что мне ему ответить?

И что мне сказать Ильясу, когда он позвонит? Когда придет в Москву?

А я знаю, что он позвонит, и будет настаивать на встрече.

И моя жизнь опять повернется с ног на голову, в который раз.

– Надя, – Слава присаживается на мой шезлонг, – все нормально?

– Он улетает.

– Я это понял. – он берет мою руку, целует, прижимая к щеке, я караем глаза замечаю, как вспыхивают глаза Ильяса, наблюдающего за нами.

– Надя, я поехал. Счастливо оставаться.

– До свидания Ильяс.

Слава встает, чтобы забрать моего сына. Илик передает Ника, потом неожиданно наклоняется ко мне.

Это происходит так быстро – секунда, мгновение, я не успеваю ничего предпринять.

Горячие губы на моей щеке, и обжигающий шепот.

– Я люблю тебя...

Мне становится жарко, очень-очень жарко. А сердце словно совсем не стучит, когда я наблюдаю за быстро удаляющейся стройной фигурой.

Глава15

«Я люблю тебя».

Всего три слова. Так просто. И как они могут изменить жизнь.

Когда-то наивный Воробушек сказал эти слова не тому парню.

Наверное... По крайней мере эти сказанные от всего сердца слова оказались парню не нужны.

И я не нужна. Тот самый Воробушек.

Он вычеркнул меня из жизни. Не знаю за что. Я так этого и не поняла. И, наверное, не пойму. Не хочу понимать.

Нет, он сделал все правильно, конечно. Он же сказал тогда – ты просто некрасивая, бедная девочка...

Пока ты была нужна – тобой пользовались. Потом... потом появилась другая. Наверное.

Я ведь застала его с Алисой?

Она стояла в его комнате, обнаженная, улыбающаяся так, словно выиграла первый приз. Да она и выиграла. Получила богатенького парня.

Пусть с изъянами, но это так, мелочи. Он ведь в итоге встал на ноги, как и собирался. И прозрел.

Только вот зачем ему нужно было искать некрасивую, бедную девочку и ее малыша?

Бедная девочка сначала очень хотела, чтобы ее нашли.

А потом... потом ей стало не до этого.

Потом она долгое время сама себя не могла найти.

– Надя? Вернемся в номер?

– Да, уже пора, становится прохладно.

Слава несет на руках уставшего Ника, мы вроде были на пляже не так долго, но мой сынок успел наплаваться, строил песчаные замки, бегал.

Боюсь, на ужине он уже будет клевать носом. Так и есть. Еле успеваю впихнуть в него порцию куриной лапши, риса и огурцов – наш стандартный набор. Ест он плохо, особенно вечером. Но голодного спать тоже не положишь.

Ник засыпает рядом со мной на огромной кровати.

Слава заходит в спальню, смотрит на нас, ухмыляется.

– Я понял. Мое место на диване.

Я могу сказать, что Ника нужно переложить в кровать-ма-неж, которую нам принесли сотрудники отеля. Могу. Но не говорю.

Сегодня я не готова к тому, чтобы Слава был рядом.

И вообще... Эта тема очень болезненная для меня.

Да, мы были вместе, но, как ни странно, несмотря на то, что мы собираемся пожениться, близость между нами случается редко.

Я даже не помню, когда это было последний раз.

Конечно, Слава рассчитывал, что на отдыхе с этим problem не возникнет.

А они... они как раз возникли именно здесь.

Не нужно было соглашаться ехать на Кипр!

Я как мантру повторяю эти слова уже несколько часов.

Не нужно.

Слишком больно.

Столько лет прошло, а до сих пор ноет в груди. И воспоминания давят.

Как Ильяс отчитал меня за волейбольную партию. Как ревновал к этому парню – Андрею, кажется, которого упорно называл Артёмом.

И как мы встретили Зою... живую, невредимую, очень даже веселую и счастливую Зою.

Которой удалось вычеркнуть из жизни братьев Умаровых. Выйти замуж и быть счастливой.

Ей удалось. А мне?

Слава все еще маячит в дверях. Я киваю на подушку, рядом со мной, приглашая его.

Вижу, как дергается уголок его рта. Он качает головой.

– Спустишь в лобби, выпью тоник, или фреш. Тебе принести?

– Нет, спасибо.

Я знаю, что он на самом деле будет только фреш. Или крепкий кофе. Такой, от которого не уснуть.

Ему будут мешать спать мысли.

Как и мне.

Мысли. Воспоминания.

В который раз думаю, как же было просто тогда, когда ни-

каких воспоминаний не было.

Ни болезненных, ни страшных, ни веселых, ни будничных.

Никаких.

Когда я пришла в себя и меня спросили – как вас зовут.
А я поняла, что не знаю...

Глава 16

Время, самый страшный и безжалостный враг. Если время играет против тебя, то ты точно не выиграешь.

Это я понял еще тогда, четыре года назад, когда потерял моего Воробушка. Потерял, и не смог разыскать потому, что время играло против меня.

Те две недели, которые, как я думал, она взяла просто как паузу, уехала отдыхать. Так она сказала тогда Тамерлану, так сказала и своему бывшему начальнику, доктору Товию. Так Надя сказала и подругам, у которых последние три дня перед отъездом жила.

Эти две недели я тогда провел в Германии, на обследовании. Узнал, что могу восстановиться, встану на ноги. Зрение тоже проверил там, но по совету Товия позже обратился в российскую клинику.

Две недели, которые, как я считал нам помогут. Помогут ей успокоиться и трезво взглянуть на все проблемы. Она ведь хотела мне сказать, что ждет ребенка? Именно поэтому принесла в мою комнату тест на беременность?

Если она готова была сообщить мне новость, значит, рассчитывала на помощь.

Да, я наговорил ей ужасных вещей, но... я был не в себе. Я одумался.

И прежде всего я просил Товия, с которым она явно соби-

ралась связаться по возвращении, сообщить ей, что я очень хочу поговорить.

Просто встретиться и поговорить!

Товий Сергеевич обещал все ей передать.

Но получилось так, что ни с ним, ни с Тамом, ни с подружками Надя на связь не вышла.

Ни через две недели, ни через три... ни через месяц.

И поиски, которые организовал брат успехом не увенчались.

Я тогда подумал – может быть это знак? Может я должен сначала вернуть себя в нормальную форму? Встать на ноги? Сделать операцию на глаза, понять окончательно, смогу ли я видеть. А уж потом...

На то, чтобы окончательно восстановится у меня ушло много времени. Почти год.

Я возобновил поиски Нади. К тому времени она уже должна была родить малыша.

И снова ничего. Пустота. Она не появилась дома – в той квартире, которая когда-то принадлежала Надежде поселились ее родственницы, тётка с жутким характером, которая пыталась меня убедить в том, что Нади нет в живых. Никаких документов, подтверждающих это, у нее не было.

Мой Воробушек исчез. Словно его и не было никогда.

Не было некрасиво бедной девочки, которая когда-то смешила меня, бесила, доводила до белого каления, а потом... Любила. Любила до одурения. До дрожи.

И я помнил каждую секунду с ней. Я знал ее тело все, до мельчайших подробностей, каждую клеточку, впадинку, каждую родинку – даже не видя их на ее коже, я их чувствовал. Знал ее аромат. Мне казалось, что если я окажусь запертым в темной комнате, в которой будет тысяча женщин и моя Надя – я узнаю ее. Как пес по следу найду.

И голос. Я очень хорошо помнил ее голос. Несколько раз после мне казалось, что я слышу похожий. Увы – казалось.

И все-таки именно по голосу я ее узнал.

Он у нее необыкновенный, нежный, с небольшой хрипотцой, не высокий, и не низкий. Такой... такой родной. Настоящий. Без жеманства, без придыхания. Естественный и свободный.

Хотя раньше в голосе ее часто было смущение.

Он стыдливая и скромная, мой Воробушек. Несмотря на то, что красавица!

Я ведь и знал, что она красивая.

Помню, как потом расспрашивал о ней Тамерлана. Мне было интересно знать, какая она...

– Она хорошенькая, брат. Очень милая девочка. Скромная. Правда, цвет волос, конечно... сначала показался мне диким. То ли морковка, то ли апельсин, потом она еще розовый и алый добавила. Жуть. – Тамерлан усмехнулся, покачал головой, словно представляя себе мою Наденьку.

Еще брат сказал, что этот ужасный цвет волос совсем не вязался с ее нежной кожей. И вообще, с ней.

– Она такая спокойная была, рассудительная. Я радовался, когда понял, что она находит с тобой общий язык, что у ней получается тебя приструнить!

Именно приструнить! А потом подружиться. И полюбить. Она любила меня. А я? Любил ли я её настолько сильно, чтобы сделать своей? Чтобы сделать счастливой?

Сейчас понимаю, нет. Нет, нет, и еще раз нет.

Я совершил такую же ошибку как Тамерлан в свое время. Он тоже любил Светлячка недостаточно.

Мы оба любили не так, чтобы перевернуть свою жизнь ради любимой.

И еще нам, как многим мужчинам, казалось, что любовь делает нас слабыми.

Только значительно позже пришло понимание, что любовь делает только сильнее. А слабость – это как раз недостаток любви.

Именно отсутствие любви делает нас слабыми.

Сейчас, когда я нашел Надю, я понимаю, что должен сделать все, чтобы не потерять ее снова.

И в то же время... Что я могу сделать? Если она сама просила не ломать ее жизнь? Ее счастье?

Правда, я узнал, что, говоря о своем счастье Надя все-таки немножко обманула меня.

Или была не до конца честна?

Говорила ли она мне о том, что на замужем?

Слава точно назвался её мужем, это я хорошо помню. Эта

новость меня оглушила. Ослепила, превратив на мгновение в того беспомощного инвалида, которым я был когда-то.

Он сказал, что он её муж.

Она промолчала. Попросила, чтобы я не мешал её счастью, не ломал ей жизнь.

Может она и счастлива с ним. Вот только нифига он ей не муж.

Мой Воробушек не замужем.

Слава не её муж. Они не расписаны.

Глава17

«Привет, Воробушек, как ты?»

«Привет, Воробушек, как дела? Как отдых?»

«Привет, малышка, мне жаль, что пришлось так уехать, но я обязательно вернусь к тебе».

«Привет, мой любимый компас, помни, что я сказал тебе перед отъездом».

Сообщения. Десятки сообщений.

В жизни столько не писал. Нет, наверное, писал когда-то в юности. Были времена.

Но вот после восемнадцати в мессенджерах общался очень редко.

С пацанами о чем переписываться? При встрече все обсуждали, перетирали.

С девчонками тем более – о чём? При встрече делали друг другу хорошо и расходились мирно.

Поэтому ничего странного не было в том, что в то время, пока я был слеп, по гаджетам я особенно не страдал.

Ну, разве что по возможности рисовать, создавать что-то новое, изобретать.

В игрушки я играть закончил, наверное, в тот момент, когда понял, что ощущать в руках не джойстик, а женское тело гораздо приятнее.

Но тоски по ласке в бытность слепым я тоже не испытывал.

В то время меня больше всего занимала моя ярость. Моя злоба. Мой вызов всему. Мое желание рассчитаться с долгами. Вернуть судьбе то, что я задолжал.

Отомстить самому себе за все, что я сотворил.

Потом появилась Надежда. В прямом и переносном смысле.

Мой Воробушек, птичка, которая ласково чирикала, иногда так потешно смеясь сама над собой. И надо мной.

«Я люблю тебя, Надя»

«Ильяс, пожалуйста, не нужно мне писать. Ты знаешь, что я отдыхаю с мужем и сыном. Прошу, оставь нас в покое»

Ответила. Через три дня. Не удержалась.

Отшила, отбрила! А я рад.

Очень рад, что получил ответ, даже такой.

Отдыхает с мужем и сыном! Нет, милая, мужа у тебя никакого нет. А вот сын...

Сын красавец. Жаль, что мне не удалось его сфотографировать.

«Надя, пожалуйста, можешь прислать мне фото Ника?»

Что-то печатает. Прекращает. Снова бежит курсор. И снова ничего...

Что же такого хочет сказать мне мой Воробушек?

Нет ответа. Но через несколько минут прилетает первая порция фото.

Ник. Николай. Она назвала сына в честь своего отца. Правильно сделала. Я бы согласился с таким ее решением. Тем более сын, названный в честь нашего отца в семье уже есть. Пусть по крови и не родной, но он точно будет Умаров.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.